

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14>

UDC 94(470.6)«1920/1930»:159.953.3

ЛБС 63.3(2Рос-13)612,1-283.31

Submitted: 28.05.2025

Accepted: 20.07.2025

FORMATION OF THE MEMORY SPACE OF THE PARTICIPATION OF THE DON COSSACKS IN THE CIVIL WAR IN THE 1920–1930s: COMMEMORATIVE PRACTICES, PLOTS, IMAGES

Olga V. Rvacheva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the early Soviet period, a new memory space was created in the regions of southern Russia. Its formation was connected with the Bolshevik policy of memory, and the specifics were determined by the role of the Cossacks in the Civil War. The historiography on this issue is represented by the works of O.V. Rvacheva, A.A. Kamenev, A.V. Baranov, A.N. Eremeeva, O.V. Matveev. The closest to the research topic is B.I. Kolonitsky's project "Processes of Legitimization of Violence: Cultures of Conflict in Russia and the Escalation of the Civil War". *Methods and materials.* The research's source base consisted of newspaper materials from the early Soviet period, literary works, monuments, and toponyms. The research uses historical-chronological and historical-comparative methods. As well as A.I. Miller's concept of memory politics as a system of interactions and communications between various actors regarding the political use of the past. *Analysis.* In the early 1920s, the government pursued a policy of storytelling, which did not involve the creation of a special memorial space for the Cossacks. In the mid-1920s, forms of commemoration of the Civil War with the participation of the Cossacks appeared, and the first plots and images of the memory space were created. The peak of the commemorative practice occurred in the mid-1930s. A central event appeared for the common historical memory of the Cossacks – the deaths of F.G. Podtelkov and M.V. Krivoshlykov – and heroic images of the Red Cossacks were created. *Results.* The main actor of the memory policy in the early Soviet period was the government. With regard to the Cossacks, this policy was instrumental and situational in nature and depended on political objectives. The underdevelopment of the commemorative practice was due to the dominance of the narrative policy and the shortage of positive characters among the Red Cossacks. *Funding.* The article was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-20369, "The policy of memory regarding the participation of the Don Cossacks in the Civil War 1918–1920 in Southern Russia in the Soviet and post-Soviet periods: images of the Cossacks, memorial space, and forms of commemoration".

Key words: Russian Civil War, Cossacks, historical memory, images of Cossacks, forms of commemoration.

Citation. Rvacheva O.V. Formation of the Memory Space of the Participation of the Don Cossacks in the Civil War in the 1920–1930s: Commemorative Practices, Plots, Images. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 167–178. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14>

УДК 94(470.6)«1920/1930»:159.953.3

ББК 63.3(2Рос-13)612,1-283.31

Дата поступления статьи: 28.05.2025

Дата принятия статьи: 20.07.2025

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ ОБ УЧАСТИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В 1920–1930-х гг.: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ, СЮЖЕТЫ, ОБРАЗЫ

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В раннесоветский период в регионах юга России создавалось новое пространство памяти. Его формирование было связано с большевистской политикой памяти, а специфика определялась ролью казачества в Гражданской войне. Историография по данной проблеме представлена работами

О.В. Рвачевой, А.А. Каменцева, А.В. Баранова, А.Н. Еремеевой, О.В. Матвеева. *Методы и материалы.* Источниковую базу исследования составили материалы газет раннесоветского периода, литературные произведения, памятники, топонимы. В качестве методологической основы применяется концепция А.И. Миллера о политике памяти как системе взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого. *Анализ.* В начале 1920-х гг. власть проводила политику рассказывания, которая не предполагала создания особого мемориального пространства в отношении казаков. В середине 1920-х гг. появляются формы коммеморации Гражданской войны с участием казачества, создаются первые сюжеты и образы пространства памяти. Пик коммеморативной практики пришелся на середину 1930-х гг.: произошло центральное событие для общей исторической памяти казачества – гибель Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова и, соответственно, героизация образов красных казаков. *Результаты.* Главным актором политики памяти в раннесоветский период являлась власть. В отношении казачества эта политика носила инструментальный и ситуативный характер и зависела от политических задач. Незрелость коммеморативной практики была обусловлена господством политики рассказывания и дефицитом положительных героев среди красных казаков. *Финансирование.* Статья выполнена при поддержке РНФ, грант № 25-28-20369 «Политика памяти в отношении участия донского казачества в гражданской войне 1918–1920 гг. на юге России в советский и постсоветский период: образы казачества, мемориальное пространство, формы коммеморации».

Ключевые слова: Гражданская война в России, казачество, историческая память, образы казачества, формы коммеморации.

Цитирование. Рвачева О. В. Формирование пространства памяти об участии донского казачества в Гражданской войне в 1920–1930-х гг.: коммеморативные практики, сюжеты, образы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 167–178. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14>

Введение. Большевицкая власть с самого начала активно формировала мемориальную политику, которая должна была способствовать конструированию новых социальных представлений о прошлом. Создавалось пространство памяти, являвшееся совокупностью образов, символов, праздничных дат, мемориальных объектов и пр., которое утверждало определенный образ исторической эпохи в обществе.

Региональная политика памяти должна была учитывать специфику событий и революции, и Гражданской войны на местах. Так, на юге России, на казачьих территориях, конструирование политики памяти обуславливалось следующими моментами: во-первых, казачество массово поддержало белых; во-вторых, проиграв в Гражданской войне, казаки чувствовали себя униженными и негативно относились к новой власти; в-третьих, проведение рассказывания как центральной политики большевиков; в-четвертых, периодическая реализация политики по вовлечению казаков в советское строительство, что предусматривало создание положительных образов казаков. Все это оказывало существенное влияние на коммеморацию событий Гражданской войны на казачьих терри-

ториях, в частности на территории донского казачества.

Цель статьи: выяснить, как формировалось пространство исторической памяти об участии донских казаков в Гражданской войне в 1920–1930-х гг., какие существовали практики по конструированию памяти, вокруг каких сюжетов и образов они строились.

Историография. Что касается политики памяти об участии казачества в Гражданской войне, то пока по этой теме не сложилось комплекса исследований. Отдельные статьи затрагивают ситуацию формирования коллективной памяти и пространства памяти в отношении казаков в Гражданской войне в период возрождения казачества в конце XX – начале XXI века. Впервые к данной проблеме обратилась автор статьи при разработке модели памяти современного казачества [22]. Анализировал влияние исторической памяти о Гражданской войне на казачье возрождение также А.А. Каменцев [12]. Отражение событий Гражданской войны в народной памяти кубанского казачества исследовал О.В. Матвеев [14]. Проявления исторической памяти о Гражданской войне у казаков в период НЭПа анализировал А.В. Баранов [3]. О политике мемориализации, прово-

дившейся белыми режимами на юге России в период Гражданской войны, писала А.Н. Еремеева [11]. Важный материал по политике мемориализации событий Гражданской войны на казачьих землях и отражению этих событий в памяти донских казаков содержится в работах С.Д. Багадсарян и А.П. Скорика [2; 26].

На изучение проблемы формирования пространства памяти о казачестве в Гражданской войне оказали влияние исследования, посвященные литературным образам произведений М.А. Шолохова. К таковым относятся труды литературоведа и шолоховеда К.И. Приймы, историка А.В. Венкова.

Методы и материалы. Источниковую базу исследования составили газеты 1920–1930-х гг. – официальные органы печати краевых и областных партийно-советских органов власти, содержащие материал по формированию образов и сюжетов о донских казаках в Гражданской войне. Привлекались делопроизводственные материалы из фондов Центра документации новейшей истории Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Архива Управления ФСБ по Ростовской области. В качестве источников в статье представлены также художественная литература, памятники, топонимы.

Теоретическую основу исследования составили историко-хронологический и историко-сравнительный методы, а также концепция А.И. Миллера о политике памяти как системе взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого.

Анализ. Формирование пространства памяти о Гражданской войне в Северо-Кавказском крае и Царицынской губернии началось в 1920-х годах. Память о ней была очень свежа и болезненна, поэтому коммеморация тех событий вызывала противоречивый отклик у населения. Ярким примером служат братские могилы красноармейцев, красных партизан, погибших в боях с белогвардейцами. Они возникали стихийно и впоследствии в отношении них складывалась мемориальная практика в форме проведения траурных митингов, возложения цветов, сооружения памятников. Нередко у населения данные мемориальные практики вызывали сопротивление, так

как в этих могилах были похоронены те, кто воевал против основной части населения станиц и хуторов. Ярким примером негативного отношения казаков к таким формам коммеморации, сохранявшейся и в 1925 г., являются высказывания казаков станицы Наурской Терского округа Северо-Кавказского края о нежелании приходить на могилы героев Гражданской войны, чтобы почтить их память, так как в них похоронены красноармейцы [2, с. 60].

С оговорками в качестве примера мемориальной практики в отношении казачества можно привести памятник Степану Разину скульптора С.Т. Коненкова, установленный в Москве на Красной площади в 1919 году. Его создание являлось одним из примеров реализации ленинского плана монументальной пропаганды. Однако Степан Разин здесь выступал скорее символом борьбы за свободу, а не казачества. Скульптор вспоминал, что за натурой для памятника он обратился в Совет казачьих депутатов, где председатель М.Я. Макаров в ответ на просьбу ответил, что то «память наша – донских казаков» [13].

Присутствие темы казачества в мемориальном пространстве было представлено официальным партийно-советским нарративом, носившим нередко негативный характер. По образному выражению делегата 2-го Донского округа I Донской областной конференции 1920 г., казачество хоть и неспособно было немедленно к активной борьбе, «...но казачество приткий дикий конь и вожжи опускать не следует» [30, л. 27]. Делегаты конференции обсуждали последствия Гражданской войны для казачества, сохранявшуюся контрреволюционность казаков [30, л. 25, 31 и др.]. Эти же вопросы были в фокусе внимания делегатов II Донской областной партийной конференции, проходившей в том же 1920 г. [31, л. 18, 19, 58 и др.].

Реализация большевиками в первой половине 1920-х гг. жесткой политики расказачивания, направленной на уничтожение социокультурной специфики казаков, привела к тому, что казачество практически не фигурировало в социально-политическом дискурсе, не говоря уже о коммеморации своего участия в Гражданской войне. Данное событие являлось негативным маркером для казачества. В информационных материалах, собираемых к ап-

рельскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1925 г., который стал переломным в отношениях казачества и власти, было немало сведений об антибольшевистских настроениях и действиях казачества в период Гражданской войны. Акцент при этом делался на подробностях расправ казаков над красноармейцами и представителями власти, приводились цифры массовых казней, как в случае с описанием восстания казаков станицы Суворовской в 1918 г. и расстрела отряда из Царицына в 500 чел., направленного для подавления восстания [9, л. 10].

Ситуация стала меняться с 1925 г. после начала реализации политики «лицом к казачеству». Ее основные положения были изложены в резолюции Пленума ЦК РКП(б) «О казачестве» и представляли собой систему адаптационно-мобилизационных мер для казаков в советской системе [23, с. 74–75]. Обращалось внимание на то, что казачество сильно пострадало от Гражданской войны и это выступало важным условием оказания помощи казачьим районам. Таким образом, определился переход от отрицательной характеристики участия казачества в Гражданской войне к сочувственно-нейтральной.

Тема Гражданской войны появилась в региональной прессе. Материалы о казачестве носили противоречивый характер. С одной стороны, о нем почти не упоминалось, с другой – показывалась жестокость его сопротивления. Так, в газете «Борьба» в январе 1925 г. вышел очерк «Борьба за Царицын», в котором были отражены основные события обороны города от войск П.Н. Краснова, падение в результате наступления А.И. Деникина, освобождение от белых. Среди положительных героев – защитников Царицына упоминались К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Б.М. Думенко, среди отрицательных – атаман П.Н. Краснов, генералы К.К. Мамонтов, А.И. Деникин. В очерке было представлено противостояние красных и белых, а П.Н. Краснов и К.К. Мамонтов – это, прежде всего, представители белых, а не казаков [4]. Другой очерк, посвященный годовщине расправы белогвардейцев с рабочими в 1918 г. в Калаче-на-Дону, ярко рисует зверства восставших против советской власти: «...ежедневно две группы арестованных: одну в овраг, другую в

балку за Дон отправляли на расстрел. Ежедневно до сотни человек арестованных получали от белогвардейских палачей от 10 до 75 розог» [16]. Казаки были представлены в образе «банды», вооруженной берданками, старыми шашками, штыками и вилами, которая двинулась на Калач. Важно, что казаков обманули офицеры, пользуясь их темнотой.

Во второй половине 1920-х гг. мемориальное пространство юга России наполнялось новыми формами коммеморации: активно сооружались обелиски над могилами защитников советской власти, высказывались идеи создания в сельсоветах памятных досок с именами героев войны [2, с. 57–58]. Значимой формой коммеморации стали литературные произведения, прежде всего авторства М.А. Шолохова. В 1925 г. вышел его сборник «Донские рассказы», главной темой которого была Гражданская война на Дону, и она здесь представлялась главным образом как трагедия казачества.

С 1926 по 1932 г. вышли первые три тома романа «Тихий Дон», четвертый был закончен в 1940 году. Еще одним произведением, в котором ярко представлена тема Гражданской войны и казаков, стал роман А.С. Серафимовича (Попова) «Железный поток», опубликованный в 1924 году. Серафимович и Шолохов были уроженцами Донской области, А.С. Серафимович принимал значительное участие в создании романа «Тихий Дон» [6].

Известный советский писатель оказал большое влияние на продвижение романа как в СССР, так и за рубежом. В 1928 г. вышла его статья в г. «Правда» под названием «Тихий Дон» [25], а в 1929 г. эту статью с высокой оценкой романа перепечатал немецкий журнал «Линскурве». Отрывок из него в 1930 г. опубликовала французская газета «Юманите». А писатель А. Марсель назвал «Тихий Дон» «Красной Илиадой» (цит. по: [20, с. 99]). В парижской прессе писали: «Шолохов – казак, крепчайше связанный с родной землей», обращали внимание на то, что «в романе живо и ярко встали потомки героических мятежников Степана Разина, Булавина, Пугачева, чьи подвиги до сих пор сохраняют свое значение в истории России...» [20, с. 102]. Отмечалось, что шолоховские «донские казаки впервые предстали перед изумленным

европейским читателем в своей простой земной повседневности, буйной и пленительной» [20, с. 102]. Так как в рассматриваемый период Франция была средоточием русской белой, в том числе казачьей эмиграции, роман «Тихий Дон» становился своеобразным посланием к ней об изменениях в восприятии казачества советской властью. С 1929 по 1934 г. его опубликовали в большинстве европейских стран.

В 1930 г. вышла первая экранизация романа в немом варианте, а в 1933 г. уже была сделана озвученная версия. В немой версии фильм вошел в конкурсную программу I Венецианского международного кинофестиваля 1932 года. Сюжет не затрагивал Гражданскую войну, так как к этому времени были изданы только первая и вторая книги, однако объективно фильм «работал» на продвижение темы казачества как внутри советского общества, так и вовне его.

В 1935 г. на основе романа создана опера «Тихий Дон». Ее активно ставили в 1936 г. на большинстве оперных сцен Советского Союза, в том числе в Москве в Большом театре и в Ленинграде в Малом оперном театре. В 1936 г. во время кампании «за советское казачество» на просмотр оперы привозили делегации казаков с юга России.

Ранее, в 1932 г., вышло еще одно знаковое произведение М.А. Шолохова – «Поднятая целина». Центральная тема романа – коллективизация в донских казачьих районах. Здесь уже четко давалось противопоставление красных и белых казаков и их роли в советской системе. Этот роман также издавали за рубежом в 1930-е гг. [20, с. 38].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. фиксируется еще одна форма коммеморативной практики – топонимическая. Так, в Нижнечирском районе Нижневолжского края в 1930 г. появились коллективные хозяйства с названием «Красный Дон». В Кумылженском районе в 1929 г. были колхозы с названиями «Тихий Дон», «имени Шолохова». Из персоналий казачества при наименовании коллективного хозяйства популярностью пользовалось имя М.Ф. Блинова, активного участника Гражданской войны, одного из создателей красных казачьих кавалерийских частей. Из этих частей впоследствии сформировали дивизию, ко-

торой после гибели М.Ф. Блинова было присвоено его имя.

Положительное продвижение темы Гражданской войны в пространстве памяти не исключало конфликтов исторической памяти со стороны разных групп казачьего населения. Припоминание обид, вызванных воспоминанием о насилии, расправах периода Гражданской войны, провоцировало социальное противостояние в казачьих районах [3, с. 121].

В 1936 г. на юге России развернулась масштабная кампания «за советское казачество», направленная на демонстрацию полной трансформации казаков в советских граждан. Формирование нового образа казачества повлекло за собой и расширение мемориального пространства, наполнение его новыми смыслами и сюжетами. Происходило интенсивное обращение к образу красного казачества в Гражданской войне. Так, в программной речи первого секретаря Сталинградского крайкома ВКП(б) И.М. Варейкиса сообщалось: «Мы знаем, какую славную роль сыграло казачество в борьбе против Деникина, Краснова, Колчака, против польских панов в первые годы молодой советской социалистической республики...» [24].

В данном случае говорить о «славной роли» казаков можно было только в отношении советско-польской войны 1919–1921 гг., во время которой белое казачество из разгромленных антибольшевистских армий примкнуло к Красной армии, воевавшей на польском фронте. С учетом того, что основой вооруженных сил генерала А.И. Деникина в его военно-политической структуре «Вооруженные силы Юга России» (ВСЮР) были казаки, генерал П.Н. Краснов являлся атаманом области Войска Донского, а значительную часть сил адмирала А.В. Колчака как Верховного главнокомандующего русской армией составляло оренбургское и уральское казачество, налицо конструирование исторической памяти о казачестве.

Создание образа красного казачества происходило также через сближение его с историческими фигурами, С.М. Буденным и К.Е. Ворошиловым, на страницах прессы. В одной из апрельских передовиц газеты «Сталинградская правда» говорилось об изменениях, которые произошли с казачеством

после революции: «...Под командой нынешних маршалов Советского Союза, железного наркома обороны тов. Ворошилова, и героя красной конницы тов. Буденного революционные казаки били поляков под Киевом, денкинцев, красновцев и калединцев под Ростовом и наступали на горло контрреволюции в своих родных станицах» [29]. В итоге белые казаки – противники советской власти отступали в историческую тень, а на первый план выходили красные.

Самого С.М. Буденного активно позиционировали в этот период как создателя Первой конной армии, в которую входили и соединения красных казаков. Таким образом возникла связка нужных образов: С.М. Буденный, Первая конная, красное казачество. В рамках кампании «за советское казачество» усиленно пропагандировался образ казаков – защитников Отечества, и сближение их с Буденным было частью этой демонстрации. В центральной и краевой прессе регулярно печатались материалы о письмах казаков к С.М. Буденному, освещались встречи казачьих делегаций с маршалом Советского Союза по разным вопросам, публиковались совместные фото таких встреч. Так, например, в газете «Молот» был опубликован материал о приеме делегации донских казаков С.М. Буденным в Москве в марте 1936 года. Делегация приехала по приглашению Дирекции Большого театра на первый просмотр оперы «Тихий Дон». В статье отмечалось, что казаки и маршал встретились как старые друзья, в составе делегации были участники Гражданской войны, бойцы Первой конной армии, громившие белых [10].

Символическая связь имени другого советского маршала и героя Гражданской войны проявлялась в названии военно-патристической организации молодых казаков – ворошиловские кавалеристы. Застрельщиками в ее создании выступили донские казаки. Популярность данной формы организации казачьей молодежи была очень велика. А в прессе при освещении процесса обучения молодых казаков-кавалеристов нередко подчеркивалась роль старшего поколения казаков – участников Гражданской войны.

Так, в статье о слете молодых казаков в станице Нижнечирской Сталинградского края

в марте 1936 г. говорилось о присутствии рядом с молодежью красных казаков-партизан, участников походов Первой конной армии, которые приехали рассказать ей о своих походах и поделиться опытом [27]. Трансляция рассказов красных казаков в прессе являлась важным инструментом конструирования исторической памяти казачества и формирования их нового советского образа. В газете «Сталинградская правда» вышел подобный материал. Донской казак М.Г. Куркин отмечал: «Встречаются еще такие мнения, что раз казак, то обязательно в белых армиях участвовал. Неверно это! Я вот казак и горжусь этим именем. Я – красный казак» [1]. М.Г. Куркин был образцом для демонстрации правильного казачества – боец Первой конной армии Буденного, в советское время – колхозный инспектор по качеству. Он встречался с молодежью, рассказывал о борьбе с офицерами и атаманами на Дону. Главная мысль таких рассказов – казаки тоже воевали за советскую власть: «История гражданской войны знала не только казачью контрреволюцию. Революционные выступления среднего казачества за советскую власть – это одна из страниц недавнего прошлого. Об этих примерах героической революционной борьбы в рядах буденовской конной армии рассказывают старые казаки Нижнечирского района» [1].

Власть настойчиво проводила политику слияния исторических образов Первой конной и казачества. В одном из материалов, располагавшихся на первых полосах газеты «Молот» в 1936 г. и опубликованных в разгар кампании «за советское казачество», казаки и Первая конная выступали как единое целое: «В огне гражданской войны выковывалась легендарная Первая конная... Первая конная армия родилась у нас в бескрайних степях Сала и Дона. Здесь в Азово-Черноморье она накапливала свои силы, готовясь к великим боям... Тысячи трудовых казаков вступили добровольно в Первую конную...» [8]. Отметим, что до начала кампании «за советское казачество» такого явного объединения казаков и Первой конной армии в единый образ не было. Напротив, в материалах советских газет Первая конная армия бьется с белоказаками, разбивает части белых армий К.К. Мамонтова, А.Г. Шкуро, В.Л. Покровского [17].

Однако благодаря кампании «за советское казачество» образ красных казаков в буденовках прочно войдет в массовое сознание и станет частью советского мифа о казаках.

Гражданская война в середине 1930-х гг. стала важным маркером для конструирования нового исторического образа казачества: «Любители пресловутой казачьей экзотики воспевают когда-то Кузьму Крюкова – карточного героя-враля. Нет, не о крюковых живет слава в памяти и песнях казаков! Красные казаки – защитники советской власти – вот кто пользуется любовью в хате казака-колхозника» [1].

Однако исторический образ белоказачков также периодически транслировался в информационном поле. Так, в газете «Колхозные ребята» в 1936 г. публиковался материал о том, как Красная армия противостояла белоказачкам, наступавшим на Царицын [36]. Аналогичные публикации появлялись и на страницах других изданий. В итоге складывалась ситуация конфликта памяти. Одно из проявлений такого конфликта даже попало на страницы газет. Автор статьи, опубликованной в газете «Сталинградская правда» в 1936 г., описывал ситуацию, когда делегаты съезда казачьей молодежи смотрели фильм «Чапаев»: «В момент, когда кто-то из чапаевцев голосом, полным ненависти, крикнул “Казаки!”, зал затих. Воцарилась тишина, настороженная и подавленная, словно каждому из зрителей сказали какую-то неприятность...» [32]. Далее автор показал, как молодые казаки рукоплещут Чапаеву, разбившему белых казаков.

Несмотря на активное продвижение исторического образа красных казаков в прессе, монументальной практики в этот период не сложилось. Из таковой отметим сооружение в г. Михайловке Сталинградского края 1936 г. монумента на братской могиле героям Гражданской войны, который с оборотной стороны имел посвящение герою Гражданской войны красному казаку М.Ф. Блинову.

В середине 1930-х гг. в мемориальном пространстве формируется «место памяти» – гибель руководителей революционного казачества Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова. Оба они, обладая высоким политическим революционным статусом – Ф.Г. Подтелков являлся председателем Донского казачьего

военно-революционного комитета (Донревкома), а М.В. Кривошлыков – его секретарем, были захвачены белоказачками во время агитационной поездки по Верхнему Дону и убиты.

Данное событие получило широкое освещение в 1918 г. в белой и красной прессе. Материалы с подробностями суда над подтелковцами и очерковые материалы публиковались в антибольшевистских изданиях: еженедельнике «Донская волна» [6, с. 659] и газете «Приазовский край» [26, с. 300, 306]. В красной прессе подробные материалы о гибели Подтелкова и его отряда выходили в газете «Трудовое казачество» [26, с. 300, 306]. В 1920-х комплекс воспоминаний о Ф.Г. Подтелкове формируется Донистпартом [7; 18].

Такое внимание было не случайным. Действия Ф.Г. Подтелкова, пленение, суд и казнь его и его отряда стали вехой начала Гражданской войны на Дону. Впервые казаки судили казаков и расправились с ними. Символическое значение вся эта ситуация обрела также в связи с тем, что все происходило накануне и во время христианского праздника Пасхи.

Подробно раскрыл сцену гибели отряда Ф.Г. Подтелкова М.А. Шолохов в «Тихом Доне». В отношении казаков, которых обвиняли в антисоветских действиях в 1920–1930-х гг., участие / неучастие в расправе над отрядом Ф.Г. Подтелкова стало важной характеристикой, влияющей на приговор. Так, в качестве отягчающего обстоятельства расправа над Ф.Г. Подтелковым и М.В. Кривошлыковым фигурировала в уголовном деле по обвинению Харлампия Ермакова (прототипа Григория Мелехова) в 1923 году [34]. Уголовное дело еще одного донского казака А.С. Сенина, который был обвинен в 1930 г. в создании казачьей контрреволюционной организации, также содержало сведения об участии последнего в «ликвидации экспедиции красногвардейского отряда Кривошлыкова и Подтелкова» [33]. Таким образом, по совокупности обстоятельств Ф.Г. Подтелков и М.В. Кривошлыков становились красными героями-мучениками.

В 1936 г. в газете «Молот» было опубликовано произведение под названием «Сказ о донских богатырях, трудовых казаках Подтелкове и Кривошлыкове» с изложением в особой форме всех событий борьбы и гибели

отряда и его руководителей. Сказ был составлен в жанре героического эпоса – былины. Он начинался со слов: «Возьму в руки лютню, по серебристым струнам проведу я рукою своею и под звуки ее воскрешу перед вами былину» [5]. Сам Ф.Г. Подтелков представлен в образе русского богатыря, который борется за советскую власть как за высшую правду: «Развернул казак богатырскую грудь сверхгвардейскую, распрямил свои плечи круглые, во косую сажень не вмещенные...» [5]. В предисловии к «Сказу» говорилось, что он был написан еще в 1920 г. донским казаком Михаилом Мошкаревым и распространялся в виде печатной листовки среди трудовых казаков Дона. Сам М. Мошкарев в то время являлся председателем исполкома Совета в станице Вешенской. Редакция «Молота» разыскала автора этой былины, который в 1936 г. работал в библиотеке им. Ленина в Москве. По просьбе редакции М.П. Мошкарев прислал в газету воспоминания о Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове [15]. В воспоминаниях был сделан акцент на исключительной популярности Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова среди казачества Дона, на том, что их имена стали знаменем борьбы революционного казачества за советскую власть [15]. Автор отмечал, что толчком к написанию былины послужило посещение хутора Пономарева, где погибли подтелковцы. Статья пронизана пафосом: «Богатыри не перевелись на Дону, Кубани и Тереке. Советские казаки, самоотверженные строители социализма, казачьей шашкой начисто снесут свиное рыло, которое сунется в наш советский огород» [15]. Публикации былины и воспоминаний М.П. Мошкарева в разгар кампании «за советское казачество» отвечали задачам создания героев и формирования точки отсчета для общей исторической памяти советского казачества.

Имена Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова еще несколько раз прозвучали со страниц прессы. Так, с приветственным словом к казачеству обратился отец М.В. Кривошлыкова: «Донцы, кубанцы, терцы! Помните о славном казаке, моем сыне Михаиле! Вместе с Подтелковым он сложил голову за трудовой народ, за советскую власть...» [28]. Это обращение было напечатано рядом с привет-

ственными словами М.А. Шолохова и А.С. Серафимовича в день, когда в Ростове-на-Дону проходило масштабное праздничное мероприятие с участием казачества. В опубликованной в этом же номере газеты «Молот» статье А. Распопина «Найденная доля» имена Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова фактически были поставлены в один ряд с именами С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева, которых автор позиционировал как борцов за свободу беднейшего казачества [21]. В 1937 г. вышло художественное произведение И.П. Горелова «Подтелков и Кривошлыков» с описанием гибели отряда Подтелкова.

Впоследствии в советской литературе сложились образы Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова как народных героев. Из других форм коммеморации назовем образование в 1935 г. Подтелковского района Сталинградского края. В списках Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края еще в 1926 г. существовал Подтелковский сельсовет [19].

И все же значительной коммеморации в отношении Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова не сложилось. Основной причиной являлась краткосрочность кампании «за советское казачество», которая фактически была свернута к концу 1936 года. Кампания выполнила свои задачи – необходимый власти образ советского казачества был сформирован и транслирован как внутри Советского государства, так и вовне его. Советская власть не собиралась в полной мере восстанавливать казачество, незачем было всерьез создавать обширное пространство исторической памяти о нем.

Кроме этого, образ Ф.Г. Подтелкова был противоречив. До того как принять мученическую смерть, он расправился с пленными офицерами из партизанского отряда есаула В.М. Чернецова. Это противоречие отразил в романе М.А. Шолохов в сцене разговора Григория Мелехова с Подтелковым перед казнью: «Под Глубокой бой помнишь? Помнишь, как офицеров стреляли... По твоему приказу стреляли! А? Теперича тебе отгрыгивается» [35, с. 666]. Таким образом, образ Подтелкова не был безоговорочно героическим в среде донских казаков.

Результаты. Политика памяти на казачьих территориях в 1920–1930-х гг. разработа-

тывалась с учетом специфической политики в отношении казачества. Рассказывание не предусматривало сохранение казаков как специфической группы внутри советского общества, поэтому создание особого пространства памяти в отношении них не планировалось. Коммеморация участия казаков в Гражданской войне возникала ситуативно, в соответствии с корректировкой курса большевиков. Необходимость вовлечения казаков в советское строительство, трансляция образа советского казачества, активное привлечение последних к военному делу выступали факторами создания пространства памяти и коммеморативных практик. Единственным актором в этом процессе была власть.

Можно выделить два этапа раннесоветского периода в отношении конструирования пространства памяти. Первый этап – с середины 1920-х гг. до начала 1930-х гг. – характеризовался акцентировкой внимания на трагедии казачества в Гражданской войне, продвижением культурной специфики казачества. Ключевой мемориальной формой здесь являлись произведения М.А. Шолохова. Второй этап – середина 1930-х гг. – связан с кампанией «за советское казачество». Его главной особенностью стало усиленное продвижение темы красного казачества и его роли в борьбе с белыми на юге России. Для успешного конструирования нового исторического образа казаков связывали с именами легендарных маршалов – С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова, с легендой Гражданской войны – Первой конной армией. Ключевой коммеморативной практикой на этом этапе были публикации в прессе. Важным моментом стало нахождение точки отсчета для формирования коллективной памяти казаков о Гражданской войне и ее центральных героях – Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове и в целом гибели отряда красных казаков от рук белых казаков.

В пространстве памяти раннесоветского периода в отношении казачества присутствовали и такие коммеморативные практики, как топонимические названия, памятники. Но они были очень ограничены по распространению.

Слабая развитость коммеморации в отношении казачества определялась антагонизмом казаков в отношении большевистской власти в период Гражданской войны и лими-

тированным набором героев и героических сюжетов, но главное – сохранявшейся политикой рассказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Оседлаем мы донских коней» // Сталинградская правда. 1936. 18 марта (№ 62 (2376)). С. 3.
2. Багдасарян С. Д., Скорик А. П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2012. 239 с.
3. Баранов А. В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 4. С. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11>
4. Борьба за Царицын (краткий стратегический очерк борьбы в 1918–1919 г.) // Борьба. 1925. 4 янв. (№ 2101 (3)). С. 3.
5. Былина о Подтелкове и Кривошлыкове // Молот. 1936. 27 окт. (№ 4624).
6. Венков А. В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства: в 2 ч. М. : АИРО-XXI, 2010. 884 с.
7. Вершинин Л. К. О гибели отряда Подтелкова. 1929 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 199. 8 л.
8. Ворошиловские кавалеристы // Молот. 1936. 23 февр. (№ 4420).
9. Доклад об итогах и формах работы в казачьих округах Сталинградской губернии // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 1–25.
10. Донские казаки у маршала Советского Союза тов. С. М. Буденного // Молот. 1936. 11 марта (№ 4434).
11. Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13>
12. Каменцев А. А. Возрождение казачества и красно-белая память // Россия XXI. 2024. № 3. С. 120–141.
13. Коненков С. Т. Мой век. Воспоминания. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во полит. лит., 1988. 381 с.
14. Матвеев О. В. Кубанское казачество, историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти. Краснодар: Традиция, 2019. 384 с.

15. Мошкарёв М. П. В те дни... // Молот. 1936. 15 марта (№ 4437). С. 3.

16. Памятная ночь. (7 годовщина зверской расправы белогвардейцев с калачевскими рабочими) // Борьба. 1925. 3 мая (№ 120 (2218)). С. 3.

17. Первая конная – всегда на страже // Поволжская правда. 1936. 23 февр. (№ 43 (512)). С. 3.

18. Подтелков Федор (рукопись) // ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 103. 12 л.

19. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1929. 547 с.

20. Прийма К. И. «Тихий Дон» сражается. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Сов. Россия, 1975. 542 с.

21. Распопин А. Найденная доля // Молот. 1936. 15 марта (№ 4437). С. 1.

22. Рвачева О. В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 390 с.

23. Рвачева О. В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 243 с.

24. Речь тов. Варейкиса на заседании пленума Крайисполкома, посвященного чествованию орденосцев животноводства // Сталинградская правда. 1936. 4 марта (№ 52 (2366)). С. 2.

25. Серафимович А. С. «Тихий Дон» // Правда. 1928. 19 апр. (№ 91 (3923)). С. 6.

26. Скорик А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с.

27. Слет молодых казаков // Сталинградская правда. 1936. 18 марта (№ 62 (2376)). С. 3.

28. Советским казакам Дона, Кубани и Терека // Молот. 1936. 15 марта (№ 4437). С. 1.

29. Советское казачество // Сталинградская Правда. 1936. 21 апр. (№ 92 (2406)). С. 1.

30. Стенограмма I Донской областной партийной конференции, 2–5 июня 1920 г. // ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 19–34.

31. Стенограмма II Донской областной партийной конференции, 11–15 октября 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. 181 л.

32. Сыны советского Дона // Сталинградская правда. 1936. 20 марта (№ 65 (2379)).

33. Уголовное дело по обвинению А.С. Сенина // Архив ФСБ по Ростовской области. Д. П-47489. Л. 448.

34. Уголовное дело по обвинению Ермакова Харлампия Васильевича // Архив ФСБ по Ростовской области. Д. П-27966. Л. 64.

35. Шолохов М. А. Тихий Дон: в 4 кн. Кн. 2. М.: Сов. Россия, 1978. 751 с.

36. Эпизоды из боевых биографий пяти маршалов СССР // Колхозные ребята. 1936. 23 февр. (№ 11). С. 3.

REFERENCES

1. “Osedlaem my donskih konej” [We Will Saddle the Don Horses]. *Stalingradskaja Pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 18, no. 62 (2376), p. 3.

2. Bagdasarjan S.D., Skorik A.P. *Krestjanskaja povsednevnost epohi nepa: dosug i prazdnik v juzhno-rossijskoj derevne v 1920-e gody* [Peasant Daily Life of the NEP Era: Leisure and Celebration in a Southern Russian Village in the 1920 Years]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012. 239 p.

3. Baranov A.V. Nasledie grazhdanskoj vojny vo vzaimootnoshenijah kazachestva i krestjanstva Juga Rossii s vlastju v 1920-h gg. [The Legacy of the Civil War in the Relations of the Cossacks and the Peasantry of Southern Russia with the Authorities in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11>

4. Borba za Caricyn (kratkij strategicheskij ocherk borby v 1918–1919 g.) [The Struggle for Tsaritsyn (A Brief Strategic Outline of the Struggle in 1918–1919)]. *Borba* [Fighting], 1925, Jan. 4 (no. 2101 (3)), p. 3.

5. Bylina o Podtelkove i Krivoschlykove [The Epic of Podtelkov and Krivoschlykov]. *Molot* [Hammer], 1936, Oct. 27 (no. 4624).

6. Venkov A.V. «Tihij Don»: istochnikovaja baza i problema avtorstva: v 2 ch. [“Quiet Don”: The Source Base and the Problem of Authorship. In 2 Pts]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2010. 884 p.

7. Vershinin L.K. O gibeli otrjada Podtelkova. 1929 g. [About the Death of Podtelkov’s Squad. 1929]. *Tsentr dokumentatsii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (daleye – TsDNIRO)* [The Center of Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. R-12, inv. 2, d. 199. 8 l.

8. Voroshilovskie kavaleristy [Voroshilov Cavalrymen]. *Molot* [Hammer], 1936, Feb. 23 (no. 4420).

9. Doklad ob itogah i formah raboty v kazachyih okrugah Stalingradskoj gubernii [Report on the Results and Forms of Work in the Cossack Districts of the Stalingrad Province]. *Tsentr dokumentatsii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (daleye – TsDNIVO)* [The Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, d. 112a, pp. 1–25.

10. Donskie kazaki u marshala Sovetskogo Sojuza tov. S.M. Budennogo [The Don Cossacks at the Marshal of the Soviet Union, Comrade S.M. Budyonny]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 11 (no. 4434).

11. Ereemeeva A.N. Praktiki memorializacii antisovetskogo dvizhenija na Juge Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [Practice of Memorialization of

the Anti-Soviet Movement in the South of Russia During the Civil War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 171-183. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13>

12. Kamencev A.A. Vozrozhdenie kazachestva i krasno-belaja pamjat [The Revival of the Cossacks and the Red and White Memory]. *Rossija XXI* [Russia 21st], 2024, no. 3, pp. 120-141.

13. Konenkov S.T. *Moj vek. Vospominaniya* [My Century. Memories]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1988, 381 p.

14. Matveev O.V. *Kubanskoe kazachestvo, istoriko-kulturnoe nasledie, sudby, grani narodnoj pamjati* [Kuban Cossacks, Historical and Cultural Heritage, Destinies, Facets of National Memory]. Krasnodar, Tradicija Publ., 2019. 384 p.

15. Moshkarev M.P. V te dni... [In Those Days...]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 15 (no. 4437), p. 3.

16. Pamjatnaja noch. (7 godovshhina zverskoj raspravy belogvardejcev s kalachevskimi rabochimi) [Memorable Night. (The 7th Anniversary of the Brutal Massacre of the Kalachevo Workers by the White Guards)]. *Borba* [Fighting], 1925, May 3 (no. 120 (2218)), p. 3.

17. Pervaja konnaja – vseгда na strazhe [The First Cavalry Is Always on Guard]. *Povolzhskaja Pravda*, 1936, Febr. 23 (no. 43 (512)), p. 3.

18. Podtelkov Fedor (rukopis) [Fyodor Podtelkov (The Manuscript)]. *TsDNIRO* [The Center of Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. R-12, inv. 3, d. 103. 12 l.

19. *Poselennye itogi perepisi 1926 g. po Severo-Kavkazskomu kraju* [Settlement Results of the 1926 Census in the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, 1929. 547 p.

20. Prijma K.I. «Tihij Don» srazhaetsja [“The Quiet Don” Is Fighting]. Moscow, Sov. Rossija, 1975. 542 p.

21. Raspopin A. Najdennaja dolja [The Found Share]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 15 (no. 4437), p. 1.

22. Rvacheva O.V. *Vozrozhdenie kazachestva juga Rossii v konce XX – nachale XXI veka* [The Revival of the Cossacks in Southern Russia at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2021. 390 p.

23. Rvacheva O.V. *Politika partijno-sovetskih organov i socialno-politicheskie nastroyeniya donsogo kazachestva v period socialisticheskoy modernizacii 1920–1940 gg.* [The Policy of the Party-Soviet Organs and the Socio-Political Sentiments of the Don Cossacks During the Period of Socialist

Modernization in 1920–1940]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2021. 243 p.

24. Rech tov. Varejkisa na zasedanii plenuma Krajispolkoma, posvjashhennogo chestvovaniju ordenonoscev zhivotnovodstva [Speech by Comrade Vareikis at a Meeting of the Plenum of the Regional Executive Committee Dedicated to Honoring the Order Bearers of Animal Husbandry]. *Stalingradskaja pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 4 (no. 52 (2366)), p. 2.

25. Serafimovich A.S. «Tihij Don» [Quiet Don]. *Pravda* [Truth], 1928, Apr. 19 (no. 91 (3923)), p. 6.

26. Skorik A.P. *Miljutinskij kazachij yurt: opyt istoricheskoy rekonstrukcii* [Milyutinsky Cossack Yurt: the Experience of Historical Reconstruction]. Novochoerkassk, Lik Publ., 2015. 1184 p.

27. Slet molodyh kazakov [Gathering of Young Cossacks]. *Stalingradskaja pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 18 (no. 62 (2376)), p. 3.

28. Sovetskim kazakam Dona, Kubani i Tereka [Soviet Cossacks of the Don, Kuban and Terek]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 15 (no. 4437), p. 1.

29. Sovetskoe kazachestvo [The Soviet Cossacks]. *Stalingradskaja Pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Apr. 21 (no. 92 (2406)), p. 1.

30. Stenogramma I Donskoj oblastnoj partijnoj konferencii, 2–5 ijunja 1920 g. [Transcript of the Don Regional Party Conference on June 2–5, 1920]. *TsDNIRO* [The Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 9, inv. 1, d. 25, l. 19-34.

31. Stenogramma II Donskoj oblastnoj partijnoj konferencii, 11–15 oktjabrja 1920 g. [Transcript of the II Don Regional Party Conference Dated October 11–15, 1920]. *TsDNIRO* [The Center of Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. 4, inv. 1, d. 8. 181 l.

32. Syny sovetskogo Dona [The Sons of the Soviet Don]. *Stalingradskaja pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 20 (no. 65 (2379)).

33. Uголовное дело po obvineniju A.S. Senina [The Criminal Case Against A.S. Senin]. *Arhiv FSB po Rostovskoj oblasti* [Archive of the Federal Security Service for the Rostov Region], d. P 47489, l. 448.

34. Uголовное дело po obvineniju Ermakova Harlampija Vasilyevicha [The Criminal Case Against Ermakov Kharlampiy]. *Arhiv FSB po Rostovskoj oblasti* [Archive of the Federal Security Service for the Rostov Region], d. P-27966, l. 64.

35. Sholohov M.A. *Tihij Don. V 4 kn. Kn. 2* [Quiet Don. In 4 Books. Book 2]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1978. 751 p.

36. Epizody iz boevyh biografij pjati marshalov SSSR [Episodes from the Combat Biographies of Five Marshals of the USSR]. *Kolhoznye rebjata* [Collective Farm Guys], 1936, Febr. 23 (no. 11), p. 3.

Information About the Author

Olga V. Rvacheva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, ov_rvacheva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Информация об авторе

Ольга Владимировна Рвачева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, ov_rvacheva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>